

Трамвай судьбы моей

Илья Гусаров

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Илья Гусаров

Трамвай судьбы моей

«Автор»

2026

Гусаров И. А.

Трамвай судьбы моей / И. А. Гусаров — «Автор», 2026

Есть люди, о которых не расскажут по телевизору и не напишут в газетах. Они работают днем, а порой и ночью. Их задача - благо города. И пускай их труд часто обесценивается, но они шагают сегодня, чтобы обеспечить завтра. Эти люди управляют трамваями. Он - водитель трамвая. Она - его коллега. Одна случайная шутка, одна трагедия переплетает их на трамвайных рельсах. Они молоды и, кажется, созданы друг для друга. Но там, где бегают вагоны, всегда находятся те, кто пускает под откос чужое счастье.

© Гусаров И. А., 2026

© Автор, 2026

Илья Гусаров

Трамвай судьбы моей

Трамвай судьбы моей

Часть 1: ОН

Мы шли вдвоём вдоль аллеи, получившей своё название благодаря работникам местного металлургического предприятия, высадившим на ней берёзы. За это её так и прозвали – Берёзовая.

– Слушай! Чем собираешься заниматься в ближайшее время? Ну там погуляешь или устроишься на работу? – спросил меня мой друг.

Он задал этот вопрос не случайно: причина была понятна и логична.

Я только недавно вернулся из армии и, как это часто бывает у отслуживших ребят, находился в лёгком ступоре: а что делать дальше? Я привык, что в армии за меня всё решают, отдают приказы, всё регламентируется, строго соблюдается распорядок дня. В начале к этому сложно привыкнуть, в конце от этого сложно отвыкнуть. На это подсаживаешься, становишься винтиком в большом едином механизме. Порой стыдно признаться, но иногда это даже нравилось... Нравилось быть иждивенцем собственной судьбы: не думать, не принимать решения, не распоряжаться ею. Плыть по течению, поток которого направляют другие люди.

Вернувшись после этого домой, трудно выйти из ступорно-механического мышления. Вот и бродишь первое время, приходишь в себя, вливаешься в другое русло, где течение по-прежнему регулируют люди и обстоятельства, но ты сам гребёшь вёслами на своей маленькой лодочке под названием «судьба».

– Не знаю, – отвечаю я, глядя вперёд и погружаясь в свои мысли в надежде найти хоть что-то, что поможет ответить на поставленный вопрос.

Моего товарища зовут Лёня. Ему 30 лет, он невысокий блондин представительного вида, предпочитающий тёмные оттенки и строгие фасоны одежды. Несмотря на деловой стиль, характер у него был весьма весёлый и авантюрный. Он уже давно прошёл армейскую школу и стал винтиком другого механизма – самой жизни. Поэтому у него была семья: дети, жена и постоянная работа.

Рядом с нами, поднимая пыль из-под старых подгнивших шпал, спешил трамвай. Пантограф высекал искры, грубо касаясь контактного провода.

Я посмотрел на трамвай, затем на кабину, в которой за управлением металлической громадиной сидел водитель – мужчина лет пятидесяти пяти. Это навело меня на мысль, которую я озвучил, чтобы прервать неловкое молчание, возникшее между нами.

– Вот работа какая! Сидишь, в окно глядишь, на кнопки жмёшь – и за это получаешь зарплату.

– Ну иди поработай. Может, тебе понравится! – произнёс Лёня.

– Хватит тебе. Буду я позориться, это женская работа!

– Да вон же, сам видишь, сидит мужик за управлением. Ты чем хуже!

Я не воспринял эти слова всерьёз, стоя на своём: водить трамвай – женское дело, по крайней мере, я видел, что в основном там работают женщины.

Мы дошли до конца аллеи, попрощались и разошлись в противоположные стороны.

Прощаясь с Лёней, я обратил внимание на ехидную улыбку, внезапно возникшую на его лице, будто ему в голову взбрела безумная идея. Мне сразу же вспомнилось, каким «прикольным» и «чудилой» он был до моего ухода в армию.

Чувствую, он что-нибудь учинит... Неспроста была эта глупая улыбка!

Я ходил по квартире, слегка покачиваясь из стороны в сторону, как маятник, и не зная, чем себя занять. Зашёл на кухню, сварил кофе, подошёл к окну и стал разглядывать всех, кто попадался на глаза.

Вон баба Зина с бабой Нюрой сидят на лавочке и высматривают подозрительных личностей: наркоманов, алкоголиков и представительниц древнейшей профессии. «Наш дневной дозор», — улыбнулся я.

Во дворе Слава с Ванькой пинали мячик, сопровождая каждый удар по мячу высокими, ещё не сломавшимися мальчишескими голосами.

Я вспомнил себя в их возрасте, когда мы с ребятами играли в футбол в этом же дворе.

— Пасуй на меня! Я забью! — крикнул бегущий в метре от меня Сашка.

— Я сам забью! — выкрикнул я в ответ, обводя Петьку.

На воротах, как издавна повелось в дворовом футболе, стоял самый толстый из команды. У нас таким был Виталик.

Я подкрался к воротам почти вплотную. Удар... Гол!

— Го-о-о-л! — разнеслось по всему двору.

Как мало нам нужно было для счастья в детстве! Подумаешь, ерунда — забить мяч в ворота. Событие, совершенно не влияющее на жизнь, но сколько радости оно зажигало в детских сердцах. Со временем такие мелочи уже не радуют. Ищешь радость в другом: в деньгах, недвижимости, машине, карьере — в материальном, выходит... Да точно, в материальном. Взрослеешь, черствеешь сердцем, запираешь его на замок, а там, внутри, остаются отголоски недавнего детства.

Выйти бы к этим ребятам, поиграть с ними и сказать:

— Не запирайте свои сердца на замок, не спешите взрослеть, а повзрослев, не забывайте своё детство.

Зазвонил телефон. Номер незнакомый. Я поднёс трубку к уху и произнёс привычное, но малопонятное по смыслу слово:

— Алло.

— Алло, здравствуйте! Вас беспокоит отдел кадров трамвайного депо. Вы звонили нам пару дней назад, интересовались обучением на водителя трамвая. Так вот, сообщаем: у нас набирается группа, скоро начнём обучение, поэтому вам нужно приехать, заполнить документы и пройти медкомиссию.

— Чего?! Какое трамвайное депо? Какой водитель? Вы вообще о чём? Вы наверняка ошиблись!

— Подождите! Это ведь Колесников Владислав?

— Да, это я.

— Ну вы же три дня назад звонили, просили записать вас на обучение!

Я сел на диван, пытаюсь понять, что происходит. Напряг извилины и догадался, в чём тут дело.

— Так, Владислав, я не поняла? Вы что, передумали? — перебила мои мысли кадровичка. — Вычёркивать вас из списка?

Времени на раздумья не было: на том конце провода очень сильно, я бы даже сказал, жадно желали моего ответа. Конечно, разумно было бы взвесить все «за» и «против», посидеть, подумать, но сердце требовало безрассудства, какой-то мимолётной глупости. Сколько случаев бывало в жизни людей, когда один случайный миг менял её не только в худшую, но и в лучшую

сторону. Может, хватит бояться? Может, хватит нерешительности? Может, пора открыться жизни и сказать ей уверенное, твёрдое: «ДА!»

В голове что-то щёлкнуло, накрыла волна переосмысления всего на свете. В голову пришла и не хотела уходить та самая мысль, не дававшая мне покоя с тех пор, как я глядел на играющих в футбол ребят, — ключ от сердца. Что же получается? Я сам запер своё сердце, но вот он, ключ, пока ещё рядом, перед глазами, перед руками! Определённо, вот он, ключ! Да, действительно, чем чёрт не шутит?!

— Ой, да, извините! Только вспомнил! Да-да, я звонил. Никак не проснусь, голова ещё не работает, — слегка покраснев, вошёл в образ я. — Напомните, что вы говорили? Мне нужно подъехать, заполнить бумаги?

— Да. Желательно в ближайшее время. Чем раньше всё сделаем, тем быстрее приступим к обучению и, соответственно, к работе.

— Подскажите адрес, куда подъехать.

— Питерская, 88, второй этаж, кабинет триста два — отдел кадров.

— Хорошо, я вас понял! Завтра буду!

— Тогда до встречи, — попрощалась кадровичка.

— До встречи, — ответил я и положил телефон на стол.

Лёня, блин! Вот она, его улыбка! Так и знал, что этот чудик что-нибудь учинит.

Я рассмеялся, представив лицо кадровички в момент моей короткой амнезии, организованной благодаря Лёниной шутке. «Дурак какой-то», — наверное, сейчас думает она. — «Вот завтра придёт... кадр в кадры».

А ведь и правда, может, мне это и нужно — пойти учиться на водителя трамвая?..

Эх, ладно, была не была. Попробую. Не получится или не понравится — развернусь и уйду!

Тремя днями ранее...

Лёгкий дымок кофейного напитка тесно переплетался с тяжёлым табачным дымом, напоминая влюблённую пару в страстных объятиях. Отхлебнув кофе и затянувшись сигаретой, Лёня не спеша шёл по улице в сторону своего дома, не выпуская из головы мои слова про трамвай, произнесённые на Берёзовой аллее. В голове у Лёни, как он сам считал, появилась гениальная идея, которую он обдумывал на ходу.

Докурив сигарету, стряхнув пепел и бросив окурочек на землю, где ещё в прошлом году был газон, но паркующиеся там автолюбители считали это место парковкой, Лёня достал смартфон, зашёл в интернет и нехитрым, всем известным способом нашёл объявление, в котором говорилось: «Ведётся набор на обучение профессии водитель трамвая». Далее перечислялись преимущества:

— льготный выход на пенсию при выработке: женщинам — 15 лет, мужчинам — 20 лет;

— бесплатный проезд на общественном транспорте в городе;

— достойный уровень заработной платы.

Лёня по своему необширному, но всё же имеющемуся трудовому опыту понимал: если про зарплату написано «достойная» вместо фиксированной суммы, значит, ей далеко до обещанного. Но досрочный выход на пенсию и бесплатный проезд казались ему весьма привлекательными условиями.

Внизу объявления был указан номер телефона, по которому он собирался позвонить.

У Лёни была отличная работа с высокой и по-настоящему достойной зарплатой, которую он не был готов променять на бесплатный проезд в общественном транспорте, даже несмотря на отсутствие у него автомобиля.

Он набрал указанный номер и начал свою «грандиозную» шутку.

— Отдел кадров муниципального унитарного предприятия «Горэлектротранс», слушаю вас, — произнёс приятный женский голос.

— Здравствуйте, девушка. Помогите мне! — с явной наигранностью произнёс Лёня.

— Чем я могу вам помочь?

— Дело в том, что я сейчас шёл по улице, и передо мной появился трамвай, погрузивший меня в детские воспоминания и мечты. Так вот, чем вы можете мне помочь! Я с детства мечтаю стать вагоновожатым! Возьмите меня работать водителем, — еле сдерживая смех, разошёлся Лёня.

Девушка явно смутилась и не поняла, что это за звонок и кто его инициатор. Не могла она понять и того, розыгрыш ли это или действительно человек настолько увлечённый, что чересчур страстно желает работать. Впрочем, ей это было не так уж важно. Главное, чтобы эта увлечённость не помешала ему пройти психиатрическую комиссию, необходимую для трудоустройства. Среди трамвайщиков всегда был дефицит водителей, поэтому каждый, даже самый странный кандидат ценился на вес золота, несмотря на все его причуды.

Она слегка посмеялась — больше из приличия, чем от актёрской игры Лёни — и сказала:

— Да, конечно, я вам помогу. Для этого мне нужны ваши данные, я их запишу, и как только мы сформируем группу, я вам сообщу, куда нужно будет приехать, чтобы заполнить документы. А сейчас скажите, пожалуйста, своё ФИО, контактный номер телефона и дату рождения.

Лёня, еле сдерживая смех, ответил:

— Колесников Владислав Алексеевич. Двадцать первое октября тысяча девятьсот девяносто девятого года рождения. — Затем он продиктовал цифры моего номера телефона.

— Хорошо, я записала. Ещё раз повторю: как только сформируем группу — осталось набрать ещё пару человек — я вам позвоню и сообщу дальнейший план действий.

— Хорошо, я буду ждать с большим нетерпением! Я не прощаюсь с вами, а говорю «До встречи»!

— До встречи!

Лёня засмеялся, представив моё удивлённое и непонимающее лицо, когда мне позвонят. Для него это была очередная шутка, для меня — резкий поворот судьбы. Лёня и представить не мог, как эта глупость повлияет на мою жизнь.

Кажется, случайности не случайны, но это только кажется... Кто его знает? Я знаю одно: даже маленькая случайность подобна снежному комочку, который, катясь с уклона горы, превращается в огромную лавину, способную накрыть полной гущей событий. Маленькие случайности выстраивают дорогу под названием жизнь.

С этого момента тронулся трамвай судьбы моей...

Утро вечера мудренее. Настал новый день. Я, как и обещал, собрался ехать в отдел кадров трамвайного депо, захватив с собой паспорт, СНИЛС и ИНН. Оделся, обулся, накинул куртку и вышел. Спускаясь на лифте, я подумал, что было бы славно доехать до депо на трамвае. Я не пользовался трамваем, предпочитая ему автобус, но сейчас идея прокатиться на том, чему мне предстоит учиться, показалась очень дельной.

На улице был конец ноября. Капли дождя падали в лужицы, похожие на маленькие озера, и растворялись в них, будто встречаясь с братьями и сёстрами. Я подошёл к трамвайной остановке в ожидании нужного транспорта.

На остановке стояли люди, переминавшиеся с ноги на ногу, пытаясь хоть как-то согреться. Моё внимание привлекла собака, сидевшая возле остановки. «Интересно, ей тоже нужно на трамвай?» Из-за поворота, сверкнув фарами, показался трамвай. Ожидавшие пассажиры выпрямились, готовые зайти в тёплый салон. Трамвай подъехал, остановился напротив

меня, с грохотом раздвинув двери. Я почувствовал тёплый воздух, коснувшийся лица сквозь холодную осеннюю прохладу.

Что-то задело мою ногу. Я опустил голову и увидел хвостатый силуэт — собака неспешно и размеренно забиралась по высоким ступенькам в салон, будто подталкивая меня: «Что встал? Давай заходи!» Я последовал её примеру и направился следом.

Войдя и оплатив проезд у водителя, я вспомнил детство, когда мы с родителями ездили на трамвае в отдалённый район города. Тогда он мне не нравился и даже вызывал отвращение. Пугал старый вид: ржавые подтёки на стёклах, порванная обшивка, разрисованные спинки сидений — и звук. Каких только звуков он не издавал: скрипел, гремел, трещал. Неспешно брёл по улицам, напоминая ревущего монстра, пожирающего рельсы.

Я прошёл в конец салона, сел и стал осматриваться, сравнивая нынешний трамвай с тем монстром из детства. А ведь всё это время — с моего детства до сегодняшнего дня — трамвай был рядом, но я на нём больше не ездил. Где был я? Или где был он? Неважно. На глаза попала собака. Она устроилась под сиденьем и, как и я, пристально разглядывала салон. Похоже, она тоже давно не ездила на трамвае.

За окном проплывали пейзажи, убегая в противоположную сторону. Пасмурно, серо. Редкие капли дождя бились о стёкла, отскакивали и разбивались о шпалы. Красно-белый трамвай удивительно гармонировал с этой погодой, идеально вписывался в городской пейзаж, будто диктовал ему свои условия.

В салоне было тепло и светло. Обогреватели тихо шумели, наполняя салон уютом. Тёплый свет ламп слегка мигал, но освещал все тёмные закоулки и уголки вагона.

Раньше мне казалось: если я не пользуюсь трамваем, значит, им никто не пользуется. Но это, конечно, была лишь моя иллюзия, не имеющая ничего общего с действительностью. Одни пассажиры выходили, другие заходили, не было ни минуты, чтобы сиденья пустовали. Да, вагон шёл не битком, но время, насколько я понимал, было не пиковое — люди ещё не ехали с работы. Интересно было бы увидеть, как он наполнится часов в шесть вечера.

Автоматический голос объявил: «Осторожно, двери закрываются, следующая остановка — трамвайное управление». Это означало, что пора на выход. Я встал, проверил карманы, убедившись, что ничего не уронил, и пошёл к двери, опираясь на поручень и периодически хватаясь за спинки сидений.

С сильным грохотом открылась дверь. Я вышел навстречу прохладному осеннему воздуху и зашагал сквозь него к зданию трамвайного управления. Поднявшись на второй этаж и найдя отдел кадров, я зашёл туда и воспроизвёл картину под названием «кадр в кадрах». Заполнил бумаги, прошёл прочие бюрократические процедуры, без которых в наше время, увы, никак нельзя. После этого отправился домой. Впереди меня ждало обучение.

У меня была ещё пара свободных денёчков до начала обучения, и один из них я потратил на прогулку.

Осенний ноябрь уступал свои позиции начинающейся зиме. Она постепенно, без лишней суеты, затягивала лужи холодной коркой, одевала ветки деревьев в морозный иней, перекрашивала зелёную траву в бледно-белый свет. Шаг за шагом готовила почву для первого снега.

Улицы города опустели. Люди считали погоду плохой, но я так не считал. Для меня любая погода по-своему прекрасна и нужна. Я не разочаровывался в её капризах, а, напротив, увидев дождь, стремился выбежать на улицу, поднять голову вверх, освежиться каплями прохладной воды или, при первых солнечных днях, погреться лучами солнца. Мои погодные вкусы разделял и Лёня, с которым мы как раз шли по опустевшему парку.

— Ну ты, конечно, и отчаянный малый! Я-то думал, ты трубку бросишь, и на этом всё. А ты даже согласился! — не скрывая восхищения, проговорил Лёня.

— Знаешь, я, конечно, тоже хотел поступить так, как ты подумал, но в тот момент ко мне пришло осознание: если я не могу найти свой жизненный путь, может, позволить жизненному пути самому найти меня? Если я не скажу жизни «да», то как смогу проложить дорогу?

— Оу... Запахло философией! — поправив воротник пальто, заметил Лёня.

— Да что-то как-то тоскливо. Не знаю, чего хочется, куда идти, куда свернуть. Иду по протоптанной кем-то тропинке, а куда она меня выведет? Вдруг впереди обрыв?

Лёня посмотрел на меня, тихо кивнул и предложил пойти выпить кофе.

— Мне кажется, этот разговор хорошо склеится под чашечку хорошего кофе. Я знаю тут неподалёку отличное заведение.

— Два больших капучино, пожалуйста, оба с корицей, — сделал заказ Лёня.

Кофейня была небольшая, но очень уютная. Маленькие столики стояли у больших окон, из которых открывался прекрасный вид на голубые ели парка. Напротив стояла полка во всю стену, заполненная разными книгами. Судя по их разнообразию, эту коллекцию собрали посетители, отдавшие книги в дар. Но главной изюминкой заведения было покрытое пылью пианино, служившее скорее декоративным элементом, элегантно гармонирующим с книгами на полке. Всё это создавало спокойную, умиротворённую атмосферу.

Я отпил горячий кофе, чувствуя, как пустота внутри меня заполняется теплом, подобно первому настоящему весеннему дню после суровых зимних морозов.

Стаканчик кофе творит настоящие чудеса, подталкивая к разговорам, а порой и к откровениям, проникая в мысли и вытягивая из тёмных уголков разума весьма полезные идеи.

Лёня провёл рукой по волосам, словно проверяя, на месте ли они, затем повернул голову к окну, глядя вдаль, явно о чём-то думая. Я не мешал ему, понимая, насколько ценными бывают такие минуты озарения. Сколько полезных идей, а впоследствии вещей и открытий придуманы человечеством благодаря таким мгновениям!

— Попробуй, Влад. Действительно, а почему нет? — неожиданно спокойно и серьёзно, совсем не свойственным Лёне тоном произнёс он, прервав своё размышление.

Мне вдруг стало не по себе. Никогда раньше я не видел его таким серьёзным. В ту минуту я увидел в нём действительно взрослого и серьёзного человека, каким он давно уже стал, но каким его никто не воспринимал. «Не Лёня, а Леонид».

— На заводы и прочие производства всегда успеешь. Не спеши. Даже если не получится с трамваем, ищи себя, пробуй одно, другое, только не торопись. Очень важно найти дело по душе, а то и не дело вовсе, а призвание. Найдёшь его — обретёшь себя!

Я внимательно слушал, молча, стесняясь произнести хоть слово. Было непривычно видеть рядом другого, незнакомого мне человека.

Леонид продолжил:

— Вот я работаю на заводе. Нравится ли мне? Спроси.

Я спросил:

— Нравится?

— Нет, конечно! А что делать? У меня дети, жена, надо кормить, одевать, обувать. Куда деваться-то?! Я не искал себя, даже не пытался. Окончил техникум, пошёл в армию, женился, и сразу, как часто бывает у молодых, появились дети. Нет, ты не подумай, я своей жизнью доволен, безумно люблю семью. Но её надо содержать. Поэтому в поисках работы я открыл сайт вакансий и, особо не выбирая, откликнулся на предложение завода, где обещали высокую зарплату. Но я никогда даже не задумывался о том, что мог бы заниматься любимым делом и не вставать каждое утро с диким нежеланием, даже с отвращением, от мысли, что нужно идти на работу. С чувством, будто отправляешься на расстрел.

Ты сейчас в том же возрасте, в каком был я тогда. Поэтому прими совет старичка: не спеши. Жизнь хоть и быстротечна, но суeta ей чужда. Не зря в народе ходит поговорка: «Поспешишь — людей насмешишь». Я бы её переформулировал: «Поспешишь — себя огорчишь».

Плевать на мнение окружающих, главное — твоё личное счастье. Счастлив сам — даруешь счастье другим. А у нас все ходят какие-то потерянные, разобраться в себе не могут, не пытаются даже найти хоть что-нибудь в закромах собственной души. Вот и получаем — человеческое зло.

Он резко поднялся, накинул пальто, придвинул за собой стул и, извинившись передо мной, сказал, что ему срочно нужно уйти. Оставил меня одного, словно специально, чтобы я поразмыслил над его словами.

Я сидел и смотрел в окно, за которым на сером городе раскинулся снежный покров, наполнив людскую суету зимним покоем.

В обшарпанном коридоре, напротив не менее обшарпанных кабинетов, стояли семь человек, незнакомых друг с другом. Они ждали первое теоретическое занятие по устройству трамвайного вагона. Отличались они возрастом, полом, характером. Такие разные, но имеющие одно общее желание — менять собственную жизнь.

Стояли молча. Стеснение сковывало их, холодком пробираясь до кончиков пальцев. Кое-кто пробовал заговорить, чтобы прогнать смущение, но тщетно.

С верхнего этажа по ступенькам кто-то спускался, и шаги отдавались гулкой чечёткой. Дверь распахнулась, и к нам вошёл молодой человек со словами:

— Так это вы у нас группа курсантов?

— Да, — громко ответил один из стоявших рядом со мной.

— Ну что ж, тогда все за мной, — резко развернулся и быстрым шагом направился в обратную сторону.

Он привёл нас в учебный класс и представился. Несмотря на молодой возраст, он оказался преподавателем, который будет учить нас всем тонкостям устройства трамвайного механического и электрического оборудования.

Он производил впечатление человека воспитанного, а главное — компетентного и умного, способного всему научить: серьёзные черты лица, уверенная манера разговора.

Мы познакомились, поочерёдно представились и коротко рассказали о себе. Стеснение постепенно отступало. На лицах стали появляться искренние эмоции и улыбки.

Время шло. Мы всё чаще смеялись, общались. Скованность и робость окончательно покинули стены нашего учебного класса.

Мы становились не просто коллегами — мы становились друзьями. Благодаря такому дружелюбному микроклимату я впервые в своей начинающейся трамвайной истории почувствовал себя в своей тарелке.

Тянулись дни, недели, месяцы. Искерпывался запас чернил на ручках. Менялись испи-санные тетради. Темы занятий плавно сменялись одна другой. Изучение конструкции трам-вайного вагона модели КТМ-5 перешло к изучению вагона «Татра-ТЗМ», потом — к вагону КТМ-619. Изучение механической части вагонов уступило место изучению электрического оборудования. Всё это свидетельствовало об окончании теории и скором переходе к практике. Как говорится, тяжело в ученье — легко в бою.

Я всё чаще наблюдал за трамваями, проплывающими мимо окон нашего класса, и насла-ждался тем, как искусно вагоны выходят за ворота депо, словно корабли, покидающие тихую гавань. Как аппетит приходит во время еды, так и сильное желание сесть за управление этой машиной пришло ко мне во время изучения теории. Ничего, уже совсем скоро. Завтра будет моё первое практическое занятие.

— Вот тут нужно поднять фальшборт. Вот поднимай. Дальше смотри: тут включается аккумулятор. Заходишь в кабину, поднимаешь пантограф, включаешь ВУ, затем АВ2 и перед началом движения АВ1. После вставляешь реверс, переводишь его вперёд и начинаешь движение. Только не забудь ногу держать на педали безопасности, без неё вагон не тронется. Всё запомнил?

— С первого раза всё не запомнишь, — почесав лоб от большого наплыва информации, ответил я.

Сегодня первый день нашего практического занятия, на котором нам показывали, а после мы и сами пробовали включение трамвайного вагона модели КТМ-5 — самой массовой модели в России.

— Так, ну давай ещё раз покажу, а после будешь сам пробовать. Хорошо?

— Да, хорошо, давайте так.

Водитель-инструктор, мужчина лет пятидесяти, от которого сильно пахло потом, ещё раз показал включение вагона.

— А теперь давай-ка сам.

— Сам?! — испугался я. — Ладно, была не была: голова боится — руки делают.

Я открыл фальшборт, включил аккумулятор, зашёл в салон и на автомате, словно всю жизнь отработал на этом вагоне, запустил его. Трамвай мне показался максимально логичным транспортом. При его включении все выключатели будто сами просились, чтобы их включили в правильном порядке. Возможно, инженер, проектировавший эту модель в далёкие советские времена, делал ставку на то, что всё должно проситься на свои места, ну или хотя бы ради приличия намекать водителю на правильные действия.

— Так, ну всё, включил. Молодец! А теперь переводи реверс вперёд и пробуй тронуться.

Лёгкая дрожь пробежала по телу, напомним, что волнение — это нормально. Жадно выдохнув воздух из лёгких, я перевёл реверс вперёд. Неожиданно справа прозвучал щелчок, будто музыкальный аккорд, подобранный под соответствующий аккомпанемент.

— Теперь контроллер на первую позицию — и вперёд!

Что я и сделал. Вагон потихоньку покатился вперёд, дёрнувшись перед началом манёвра, возмущаясь, что мы потревожили его покой.

— Ты его сейчас растормозил. Теперь надо разогнать. Первая позиция на контроллере — манёвровая, долго её держать нельзя. Примерно пять секунд. Дальше начнут перегреваться реостаты. За сгоревшие реостаты тебя никто по головке не погладит. Если сразу перейти с первой позиции на вторую, вагон резко рванёт, пассажиры падают.

— Так что же делать? На первой нельзя, на вторую тоже... Как быть? — недоумённо спросил я.

— Трамвайщики народ смыслённый, кое-что придумали...

— И что?

— Полторашку!

На моём лице появилась улыбка от неожиданного ответа. Я ожидал услышать всё что угодно, но точно не «полторашку»!

— Пива?

— Было бы славно, но нам нельзя — мы за рулём, точнее, за контроллером. Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Смотри!

Он взялся за контроллер, перевёл его на первую позицию, затем повёл на вторую, но, не доведя до неё, оставил рукоятку посередине.

— Поэтому эта придуманная позиция на контроллере называется «полтора»: ни первая, ни вторая. Ни вам ни нам. Полторашка поможет тебе плавно разогнать трамвай. Когда переводишь контроллер на вторую позицию — чего не происходит на первой, — подключается групповой реостатный контроллер (ГРК). Но водители называют его сервомотором. Не доводя

контроллер до второй позиции, оставляя его между, ты не даёшь ГРК отщёлкнуть до конца, что обеспечивает вагону плавное ускорение.

Он продемонстрировал «полторашку». Вагон действительно плавно пошёл на разгон, избегая резких рывков.

— По депо не разгонишься. Согласно правилам технической эксплуатации, скорость по депо составляет пять километров. Пока что поползаем, поучишься давать «полтора», после выедем из депо на линию. Там уже подразгонимся, поучимся гнать вагон на выбеге.

Я никак не мог поймать эту причудливую «полторашку». Тык-пык, тык-пык — никак. Меня начинало выворачивать изнутри. Злость брала верх, опуская вниз моё спокойствие. Раз с тридцатого у меня получилось изобразить этот трамвайный пируэт — так называемую полторашку.

У кабины водителя замаячило лицо моей сокурсницы Оксаны, недвусмысленно намекающее: твоё время вышло, настал мой черёд. Так и подгоняла меня Оксана все три месяца, стоило мне оказаться в кабине водителя. Оксана была человеком нервным и весьма эгоистичным, поэтому считала, что ей всегда нужнее.

Вечером мне позвонил Лёня спросить, как у меня успехи в обучении.

— Привет. Ну как у тебя там успехи на твоих трамваях?

— Привет. Учимся потихоньку. Сейчас по депо ездим, точнее, ползаем.

— А когда ездить начнёте, а не ползать?

— Фиг его знает. Не задаюсь вопросами, плыву по течению.

— Ну вообще-то едешь по рельсам.

— Точно. А вот что я тебе хотел рассказать.

— Рассказывай.

— Оксана наша опять причудила. Заканчивается перерыв, начинается теория. Забегает Оксана. Вся красная, надутая, дышит прерывисто, как ручной насос. Садится за парту, руки под мышки, сидит и сверлит взглядом одну точку на стене. Мы с ребятами переглянулись между собой, гадая, что произошло. Ну, разгадка сама зашла к нам в класс. Заходит уборщица, не успевает что-то сказать, и тут Оксана как завизжит во всю глотку: «Она меня убить грози-лась, я её посажу». Ну и дальше какие-то визги, больше похожие на звериные. Наш преподаватель спрашивает у уборщицы: «Что случилось?» Лёнь, ты тут?

— Да тут.

— А то молчишь как мёртвый, я подумал, вдруг связь оборвалась, а я тут рассказываю пустоте.

— Да тут я, тут, продолжай.

— Ну вот спрашивает препод у уборщицы, что случилось. Ну и уборщица говорит, что попросила Оксану не заходить в служебный туалет, а пользоваться общим. Так Оксана, как я и говорил, человек чересчур вспыльчивый, на неё с кулаками накинута. Ну а уборщица не робкого десятка, видно, осадила Оксану в ответ, ну и та растерялась, аж убежала.

— А уборщица что, догонять её побежала?

— Да.

— Ну у вас там, конечно, и бабы!

— Что есть, то есть. Ну эта Оксана, конечно, не совсем адекватная какая-то. Вот подойдёт моя очередь садиться за управление. Я только сяду, проеду круг, так она сразу бежит и начинает: это так, а это вот так, учит, комментирует, отвлекает, а потом и вовсе сгоняет. Ей даже инструктор делает замечание и просит отойти, присесть в салон. А ей хоть кол на голове теши.

— Ну а как ты хотел? В трамвайке работать некому, вот и берут всех подряд. «Я его слепила из того, что было, а что было, то и всплыло».

— Точно, — согласился я, посмотрев на часы, которые показывали 23:01.

— Слушай, время позднее, завтра рано вставать.

— Всё, давай, понял. Ложись.
— Пока.
— Лёнька, подожди!
— Чего?
— Забыл! Я тут понял, что главное в управлении трамвая! Знаешь?
— Нет, конечно! Это же ты у нас великий трамвайщик, а я так, просто великий заводчанин. Ну и что же главное-то?
— Главное в управлении трамвая — это поймать «полторашку»!
В телефоне раздался громкий смех Лёни, после чего тот произнёс:
— Ну тогда я каждую пятницу управляю трамваем!

«Нет... Нет... Нет!» — голос дрожал от ужаса. Сердце билось учащённо, страх пульсировал в голове. Что делать?! Мысли путались, руки тряслись... Трамвай стремительно мчался вниз по склону, словно живое существо, вырвавшееся на свободу. Тормоза отказали. Паникующие пассажиры, пытаясь удержаться за поручни, мелькали в зеркале водителя. Люди кричали, пытались выбраться наружу, хватаясь за двери. Сквозь стоны и вопли слышался глухой грохот колёс по рельсам, звон стекла и жуткий металлический скрип дверей, срывающихся с петель.

Прохожие на улицах замерли, парализованные зрелищем разворачивающейся катастрофы. Кто-то достал смартфон, стараясь заснять трагедию на камеру. Другие закрывали глаза, не в силах смотреть на неизбежное. Стрелки приборов перед моими глазами замерли, будто отказываясь верить в происходящее. Безуспешно пытаясь затормозить, я чувствовал себя беспомощным свидетелем надвигающейся беды. Пассажиры метались по салону, падали друг на друга, цеплялись за любые доступные опоры.

Среди паникующих и ищущих спасения людей один отличался исключительным спокойствием. Я узнал Лёньку. Он прижимал телефон к уху, словно ждал чьего-то ответа. Зазвонил мой мобильник, и я понял: Лёня пытается до меня дозвониться.

Раздался резкий скрежет металла, пассажиры посыпались на пол, кто-то выпрыгивал из открывшихся дверей прямо на асфальт. Крики, слёзы, хаос... Рельсы стонали под тяжестью неумолимо несущегося вагона, и звук громкого удара сотряс воздух. Последнее, что я увидел сквозь мечущихся в ужасе пассажиров, была бегущая ко мне с воплями «Моя очередь! Дай порулить!» Оксана.

«Просыпайся!» — я вскочил в холодной постели. Сердце колотилось, дыхание сбивалось. Это всего лишь сон, очередной кошмар. Просто ужас: вагон без тормозов, крики пассажиров и несущаяся на меня Оксана в финале...

Я подошёл к окну, пропускавшему бледный лунный свет. Посмотрел во двор: там одиноко горел уличный фонарь, освещая пустой тротуар. Неудивительно — глубокая ночь. Через пару часов опустевшие улицы начнут наполняться первыми спешащими на работу людьми. Интересно, а на чём они поедут? На автобусе или на трамвае? Я представил, как сию за управление трамвая, а ко мне идут те самые ранние пташки. Сопоставил эту картину с ужасным сном. Снова неуверенность подкралась к сердцу и пробрала всё тело. В голову лезли мысли: а нужен ли мне этот трамвай? Стоит ли он того? Работа водителем общественного транспорта — это ответственность за пассажиров и пешеходов. Одна запоздалая реакция может стоить человеку жизни. Или неисправность вагона, как в моём сне, приведёт к множеству жертв. Точно ли мне это всё нужно?!

Я всё глубже закапывался в черноту своих мыслей, теряя надежду на проблеск света.

«Нет, так нельзя», — одёрнул я себя. Надо гнать эти мысли прочь и ложиться спать. Утро вечера мудренее, тем более завтра выходной. Да, точно, завтра выходной. Пожалуй, завтра

вечером сяду в трамвай, покатаюсь, посмотрю со стороны, как работает водитель. А потом решу, нужно мне это или нет.

Я выпил стакан молока и лёг в кровать. В оставшуюся ночь плохие сны меня больше не беспокоили.

Я шёл по улицам вечернего города. Под ногами хрустел снег, и мои следы оставались позади, указывая направление движения случайным прохожим. Падающие снежинки потихоньку прикрывали отпечатки ступней. Я надел наушники и включил подборку инструментальной музыки, идеально вписывающуюся в этот снежный вечер. На остановке показался трамвай, и я перешёл с шага на бег, успев заскочить в открывшиеся двери. Не хотелось мёрзнуть на морозе в ожидании следующего.

Я сел в конец салона, снял шапку, расстегнул куртку, позволяя теплу, исходящему от отопления, окутать меня. У меня была привычка — рассматривать окружающих. Люди всегда были источником моего вдохновения. Человек — удивительное существо, способное сочетать в себе крайности прекрасного и ужасного. Его умение приспосабливаться к любым условиям поражает воображение. Именно благодаря этому качеству человечество достигло невероятных высот в искусстве, науке, культуре. Люди создали великие произведения, совершили научные открытия, исследовали самые отдалённые уголки планеты. Но одновременно человек способен и на страшные деяния. Он может разрушать и уничтожать всё вокруг, проявляя жестокость и агрессию. Это противоречивое сочетание доброты и зла делает каждого из нас уникальным и неповторимым. Ведь именно в наших руках выбор: создать нечто прекрасное или нанести непоправимый ущерб окружающему миру.

Я смотрел на входящих и выходящих. У трамвая разная публика. Бабушки и дедушки, сопровождающие внуков на кружки и секции; молодёжь, проезжающая одну остановку, прячась от мороза; работяги, спешащие домой. Такие разные, но на самом деле одинаковые. Все просыпаются по утрам, спешат на работу или учёбу, чтобы получить зарплату, которая пойдёт на погашение ипотеки, кредитов, коммунальных платежей и покупку продуктов. Все мы белки в замкнутом колесе, цель которых — вертеться, чтобы потреблять. Мы можем делать вид, что все мы разные, но нет: все дышим одним и тем же воздухом, у всех две ноги и две руки. Разница лишь в объёме серого вещества, заложенного родителями в наши головы. Наверное, это наше главное отличие — наличие мозгов и их количество. А может, я ошибаюсь, и всё на этом свете устроено иначе. Кто знает? Да никто! Философы всё время ищут ответы на вопросы: кто мы? зачем мы? откуда мы? в чём смысл жизни? По мне всё просто: мы люди. Мы существуем для того, чтобы жить и быть. А смысл у каждого свой. У кого-то в семье и детях, у кого-то в построении карьеры, у кого-то в получении удовольствия. Все эти смыслы нужны. Ведь если бы мы жили по одному принципу, то имели бы схожие сценарии, а это весьма скучно. И тогда бы я не рассматривал людей, черпая от них вдохновение, сидя в салоне этого тёплого трамвая.

Салон опустел, оставив меня и водителя наедине. Я решил, что это прекрасная возможность подойти, познакомиться и расспросить о работе. Встал и, покачиваясь в такт движущемуся вагону, направился к кабине водителя. Дверь была открыта, будто приглашая подойти.

— Здравствуйте! Извините за беспокойство. Меня зовут Влад. Я учусь на водителя трамвая и хотел кое-что спросить, уточнить насчёт работы.

В салонном зеркале, установленном в кабине, на меня посмотрели зелёно-карие глаза, напоминающие янтарь. За управлением сидела молодая девушка с тёмными волосами по плечи. Аккуратные хитрые глазки, тонкие ровные губы и большие круглые очки, идеально подходящие к её внешности. Её глаза, губы и очки на пол-лица походили на мордочку лисёнка, задумавшего маленькую хитрость. Она улыбнулась, показав ровные, ослепительно белые зубы. От этой улыбки мне стало не по себе.

— Привет, — произнесла она, переведя взгляд обратно на лобовое стекло. — Меня зовут Юля. Я тебя сразу узнала. Видела в депо. Приятно познакомиться!

— Взаимно, — покраснев, выдавил я.

Я всегда был робок и, если бы сразу заметил, что за управлением сидит молодая девушка, ни за что не решился бы подойти. Но пути назад не было.

— Что ты хотел узнать? — слегка улынувшись и не сводя взгляда с дороги, спросила она.

— Тяжело ли работать?

— Как и везде, есть свои достоинства и недостатки.

— Но для вас что сложнее всего?

— Слушай, переставай обращаться ко мне на «вы». Я так смотрю, ты мой ровесник, поэтому давай на «ты».

— Хорошо! — смущённо согласился я. — Что для тебя самое сложное в работе?

Она, не мешкая ни секунды, выдала ответ, удивив меня скоростью, будто этот вопрос ей задавали часто и она давно привыкла на него отвечать.

— Люди. Не удивляйся. Когда поработаешь с ними немного, поймёшь, что страшнее пассажира в нашей работе нет ничего. Да и вообще, мне кажется, у любого человека, работающего с людьми, ответом на этот вопрос будет «человек».

Она подняла на меня свой янтарный взгляд и пристально посмотрела:

— А ты ожидал услышать что-то другое?

— Если честно, да.

— И что же?

— Думал услышать что-то вроде: «Управлять трамваем, ответственность за пассажиров и пешеходов. Если проморгаешь пешехода, его можно просто-напросто раздавить. А потом жить с этим всю жизнь».

— Влад, если хочешь работать водителем, гони эти мысли прочь. Так и с ума сойти недолго, притом что ты ещё даже не работаешь, а уже о таком думаешь.

— Если честно, я в смятении. Стоит ли мне продолжать учиться?

— Я, когда училась, тоже переживала, смогу ли. Как видишь, смогла! Но скажу честно, мне было очень сложно. Как вспомню первый самостоятельный рабочий день, так плакать хочется.

— Если не секрет, что там случилось в первый день?

— Не секрет. Слушай. Я работала в первую смену. Выезд из депо у меня был в 5:20. Дежурный автобус привёз меня на работу в 5:00. За двадцать минут нужно было пройти пред-рейсовый медицинский осмотр, получить экипировку и принять вагон. Это был мой первый самостоятельный день, я ничего не успевала, терялась. Пришла на вагон в 5:16, через четыре минуты выезжать. Включаю вагон — он не едет. На часах 5:21, я опаздываю. Начинается сильная паника. Стоящий сзади вагон начинает звенеть, пытаюсь меня поторопить, ведь подходит время его выезда. Ко мне забегают один из водителей, проверяет, правильно ли я запустила вагон. Оказывается, я забыла кое-что включить. Он включает — вагон поехал. Я несусь сломя голову, надо нагнать время. Не получается. Что сделаешь? Первый день, неуверенность, да ещё и паника берёт верх. Вагоны, идущие мне навстречу, мигали фарами. Я не понимала, чего они хотят. Потом один из водителей взял у диспетчера мой телефон, позвонил и сообщил, что у меня не горят фары. Объяснил, как их включить. Но они были включены, проблема в другом — просто перегорели лампочки. Время близилось к шести утра, а это утренний час пик. На остановках толпились пассажиры, мне казалось, что им нет конца. Они лезли и лезли, лезли и лезли ко мне в вагон и не выходили. Вагон набился просто в мясо. Я сильно опаздывала, а ещё не успела на светофор, из-за чего меня догнал идущий сзади трамвай.

Юля замолчала и резко нажала на кнопку, вызвав громкий, напоминающий школьный, звонок трамвая. Машина, несущаяся прямо на нас, резко остановилась. После этого Юля продолжила:

— Так вот. На чём я остановилась?

— Догнал идущий сзади трамвай, — напомнил я.

— Ах да, точно. Спасибо. Смотрю в зеркало: выбегает из того трамвая тётка-водитель. Вся злющая, красная и чуть ли не вприпрыжку бежит ко мне. Я замерла, двери закрыты. Она подходит, поднимает фальшборт и через уличный тумблер открывает мою дверь. Залетает в вагон. От безумия этой тётки меня огораживает дверь кабины. Она просовывает свою руку, больше похожую на сардельку, ко мне в кабину через окошко для денег, дотягивается до дверной ручки с моей стороны и со всей дури, с сильным грохотом распахивает дверь.

Я стоял, полностью поглощённый её рассказом. Мне искренне было интересно, что будет дальше. Слушая её, я вместе с ней смотрел на дорогу, успокаивая своё смущение и сливаясь с меняющимися за окном пейзажами и её голосом. Навстречу ехали автомобили, слегка ослепляя нас фарами. Она продолжила:

— Дверь открылась. Я смотрю на неё, она на меня. Её глаза широко открыты, будто сейчас выпадут из глазниц. Лицо искривилось в нервной улыбке, губы сильно сжаты. Покраснев, она стала похожа на помидор. Начала орать на весь вагон нездоровым, истеричным голосом: «Я почему должна за твоей задницей ездить?! Ты почему так едешь?» И всё это сопровождала бранными оскорблениями в мой адрес, не стесняясь пассажиров. Завершила своё представление сильным хлопком дверью кабины. Я доехала до конечной и заплакала. После мне позвонил начальник колонны и сказал ехать в депо без пассажиров, так как я сильно опаздываю и не могу войти в график.

— Тебе что-нибудь сделали за это?

— Назначили дополнительную стажировку.

— Жест! — выдохнул я.

— Да, коллектив у нас, конечно, своеобразный. Есть хорошие, понимающие водители, есть злые, которым пальцы в рот не клади — откусят.

Так мы и ехали до конечной, увлечённые разговором. Пересекая давно изученные трамваем пейзажи, сопровождая их ударами колёс о стыки рельсов. Время близилось к ночи, пассажиров в салоне почти не было, что подталкивало нас к разговору.

Мы ехали, не замечая никого в салоне. Вагон крался по ночному городу, сопровождая два одиночества на пути к чему-то грандиозному. Наш разговор прервал неадекватный мужчина — не с целью сделать нам замечание, а с целью самореализоваться за счёт молодых ребят. Он подошёл ко мне, показал напечатанную на принтере бумажку и заявил, что работает в лесхозе. Его требования были просты: отстать от водителя. Я удивлённо посмотрел на него: мы вроде не деревья, чтобы быть в области его компетенции. Но, увидев его мутный взгляд и учитывая поздний час, я решил не создавать проблем на свою пятую точку.

Через одну остановку наш блюститель лесного закона вышел, и я снова подошёл к Юле. Проехав ещё один оборотный рейс, окрылённый вниманием красивой девушки, я направился домой. Завтра будет тяжёлый день — первый учебный выезд в город!

На выезде из депо со скрипом отворились автоматические ворота. Трамвай осторожно, словно птенец, впервые покидающий гнездо, выехал за пределы своего привычного ареала.

— Смотри, — Михалыч указал пальцем на контактный провод, — видишь, висит вот эта прямоугольная штука?

— Да, вижу!

— Это секционный изолятор. Его нужно проезжать на выбеге. Он обесточен, поэтому, если проедешь на ходовой, сделаешь зарезы на вставках и потреплешь нервы тяговым двигателям.

— А зачем он нужен?

— Вам что, на теории не объясняли?

— Объясняли, но, как говорится, тяжело в ученье — легко в бою. Призабыл.

— Он разделяет один фидер от другого. Главное запомни: изоляторы проезжаем на выбеге! А вот дальше видишь на проводе два кружка? Это салазки для перевода автоматической стрелки. — Он снова показал пальцем. — Если нужно перевести стрелку, подъезжая к салазкам, подключаешься на ход. Если стрелка твоя — проезжаешь их на выбеге. Понял?

— Да. Как пантограф приближается к этим кружкам, и если мне нужно перевести стрелку, я даю ход, а если нет — еду на выбеге. Правильно?

— Правильно. Чуть не забыл! Если на вагоне работает отопление, оно может само перевести стрелку. Отопление питается от высокого напряжения, и салазки воспринимают его как подключение на ходовые позиции.

— То есть нужно отключать отопление, если стрелку переводить не нужно?

— Да! Молодец! Соображаешь!

Эти слова придали мне немного сил и уверенности. Я подъехал к салазкам, убедился, что стрелка не моя и её нужно перевести. Вставка пантографа почти вплотную приблизилась к тем самым кружкам. Я плавно перевёл контроллер на ходовую позицию. Стрелка громко щёлкнула, и перья уверенно перевелись на нужный путь.

Мы заехали на окутанное зеленью трамвайное кольцо, в центре которого стояло одноэтажное здание. Михалыч указал на него:

— Это диспетчерская. Здесь мы проходим предрейсовый и послерейсовый медосмотр. А вообще знаешь что, пойдём-ка я тебе всё покажу. Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать.

Поставив вагон в тупик, чтобы никому не мешать, мы зашли в диспетчерскую.

Внутри сильно пахло чесноком, который диспетчер Надя порезала и разложила на белом листе бумаги. Она сидела за столом. У ног гудел обогреватель, напротив работал старенький телевизор с политическим ток-шоу.

— Здравствуй, Надя!

— Здорово, Михалыч! Как ваше ничего?

— Да вот привёл молодое поколение — показать, рассказать, как у нас тут что.

— Дело нужное!

Михалыч представил меня диспетчеру и повёл дальше. Он показал туалет, медицинский кабинет и комнату приёма пищи, где обедали мои будущие коллеги.

— Приятного аппетита! — открыв дверь, произнёс Михалыч.

— Спасибо! — ответили они.

Я не решался войти и ждал за дверью.

— Зайди сюда, Влад! Смотри: тут холодильник, куда можно положить еду. Вот чайник.

Обедавшие перебили Михалыча:

— Михалыч, а это кто такой?

— Наше молодое пополнение. Учится на трамвай.

Я скромно поздоровался, кивнув головой. Дамочки переглянулись и синхронно, будто сговорившись, произнесли:

— Что это он сюда пришёл? Тоже мне — учиться. Мы вот раньше учились! А сейчас что?

— Да. А сейчас что? — подхватила вторая.

— Посадили их за вагон, показали, куда нажимать, — и готово, водители!

— Да, ишь, водители! — как попугай, повторила вторая.

— Не водитель ты, а...

— Кто? Кто? — с нетерпением спросила вторая.

— А медведь из цирка, катающийся на велосипеде!

— Да, точно. Медведь из цирка!

Моя голова опустилась, взгляд упал в пол, на душе заскребли кошки. Стало неприятно и обидно от предвзятого гнёта будущих коллег. Непонятно, что я им такого сделал, что они словно с цепи сорвались. Михалыч посмотрел на меня, потом на них, глубоко вздохнул и произнёс:

— Пошли, Влад, отсюда.

Когда мы вышли, он продолжил:

— Не обращай на них внимания.

— Анатолий Михайлович, я не понимаю, что я им сделал?

Он спокойно, с выдержкой, свойственной мудрым людям, ответил:

— Дело не в тебе. У нас такой коллектив. Как Булгаков писал: «Злых людей нет на свете, есть только люди несчастливые». Просто прими это и не бери в голову их порывы гнева. Да и ещё кое-что: основу нашего коллектива формируют женщины, а они народ эмоциональный, в силу особенностей организма... Ну, ты меня понял.

— Да, понял.

На самом деле я не знал, какой народ женщины. Я никогда не работал в женских коллективах, и эти дамочки стали моими первыми коллегами женского пола. Я воспользовался советом Михалыча и не стал заикливаться на этой неприятной ситуации. Где-то я читал про мысленную жвачку: если постоянно думать о неприятном происшествии, оно станет проблемой, которую ты будешь бесконечно пережёвывать. Такие ситуации нужно просто отпускать. Что я и сделал.

Михалыч был мужчиной предпенсионного возраста, слегка полноватым, с лёгкой залысиной. Спокойный, рассудительный, добрый. Работал он действующим водителем и по совместительству вторым инструктором в депо. Нашей группе он нравился больше, чем первый инструктор — тот самый, с постоянным запахом пота и фальшивой манерой общения.

Мы сели в вагон и поехали дальше, словно экспедиционная группа, отправившаяся на поиски давно потерянной цивилизации. Навстречу попадались другие вагоны, водители которых с улыбкой махали нам рукой. Среди них я надеялся увидеть того самого лисёнка в больших очках.

— Вот этот участок — скоростной. Тут можно разогнать вагон и нагнать время, если опаздываешь. Но учти: рельсы везде старые, и если слетишь с них, получишь по самые помидоры. Так что не злоупотребляй.

Впереди показалось большое скопление людей. Михалыч предупредил:

— Здесь всегда много народу. Будь максимально аккуратным и бдительным.

Будто накаркав, его слова материализовались: под вагон один за другим начали бросаться спешащие люди, пытаясь перебежать перед носом трамвая. Дальше — экстренное торможение. Сильный удар электромагнитного рельсового тормоза по рельсам, звонок, подача песка — и мой первый седой волос.

Я был в ужасе. Не ожидал, что люди настолько халатно относятся к своим жизням. «Разве можно так? Одна запоздалая реакция с моей стороны — и вместо человека мёртвое тело. И это если повезёт. А если нет — размазанная лепёшка на головке рельса».

Уверенность снова покинула меня, развеяв дурман, питавший надежды, что работа эта простая. Теперь-то я понимал: очень даже непростая.

Мы заехали в депо. Михалыч позвонил диспетчеру, чтобы уточнить, на какой путь ставить вагон. Он объяснил, что пути в депо, на которые расставляют вагоны, называются веером, а сама расстановка зависит от времени выезда трамвая. Поскольку трамвай не может обогнать

впереди идущий вагон, они должны строго циркулировать, выдерживая расписание и не мешая друг другу. Поэтому вагоны обязаны выезжать из депо по установленному времени, согласно расстановке, которую определяет диспетчер. И поэтому при заезде в депо я должен обязательно звонить и уточнять, куда ставить вагон.

Диспетчер велела поставить вагон на третий путь. Мы поставили, отключили его и пошли проходить послерейсовый медосмотр. На этом рабочий день закончился.

Так мы и ползали по улицам города на протяжении нескольких месяцев, изучая маршруты, их особенности и тонкости трамвайного искусства. Каждый день я надеялся увидеть ту самую девочку в очках с изумрудными глазами по имени Юля. При виде неё по телу пробежали мурашки, перехватывало дыхание, учащалось сердцебиение. Я понимал, что означают эти симптомы и как называется эта болезнь, но боялся себе в этом признаться.

Наступили дни стажировки пассажирской езды. Меня закрепили за водителем по имени Юрий. Ему было лет шестьдесят, он обладал весьма запоминающимися усами. К моему удивлению, он был человеком известным в городе, по крайней мере среди пассажиров трамвая.

Ничего примечательного и необычного на этой стажировке не было, не считая того, что я пару раз по неопытности прищемил дверьми пассажира, чуть не подрался с недовольными мужиками, возмущёнными требованием оплатить проезд. Короче говоря, ничего нового не было, кроме пассажиров и графика, по которому нужно было гнать трамвай от остановки к остановке.

Уже скоро моя стажировка закончится, и я приступлю к самостоятельной работе. Я старался об этом не думать. Что будет, то будет! Сейчас я просто хотел отдохнуть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.